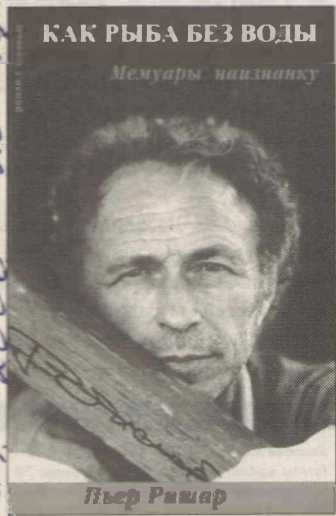

Немного синих трусов в бокале с шампанским

Французский гений Пьер Ришар не боится быть живым

Надежда Муравьева

Пьер Ришар. Как рыба без воды. Мемуары наизнанку/Пер. с фр. А.Беляк. - М.: FreeFly, 2005, 176 с.

КАК РЫБА БЕЗ ВОДЫ
Мемуары наизнанку

Мы упиваемся «героями дня» и «звездными кумирами» (как-то забывая о том, что лобные «кумиры» по сути своей – идолы на глиняных ногах), мы любим порассуждать о «гениях» и «неординарных личностях». Мы пишем про них книги и выдумываем им изумительно пафосные биографии. Они для нас – неиссякаемый источник вдохновения, а также слез, жизни, любви и прочего. Они – матрица мироздания, и никакого чувства юмора по отношению к ним не предусматривается. Юмор заставляет усомниться в величине описываемого. Лучше уж без него. Смеяться в данном случае – это то же самое, что пилить сук, на котором сидишь, или крушить топором свой собственный компьютер.

Иногда «великие» пишут про себя сами. Как-то этак снисходят до простых смертных. Пишут подробно, «с чувством, с толком», с простодушным дребезжанием скрытого, героического величия из серии: «Жизнь прожить – не поле перейти». Наставляют. Скромничают. Учат молодое поколение. Не смеются.

Итак, «все готово к встрече великого человека. 16 августа человечество осознает, что эпоха разделится на «до 1934 года» и «после него». Пьер Ришар Морис Шарль Леопольд Деваис явился в этот мир... И мир этот уже никогда не будет прежним».

Так прекрасный французский актер Пьер Ришар начинает свои мемуары. И действительно, отчего бы ему и не признать за собой некоторых заслуг? Мир и впрямь никогда «не будет прежним» после Ришара. Другие-то «великие» пишут о себе более заковыристо и потаенно, а ведь приблизительно это и имеют в виду.

Далее по тексту: «А неплохой зачин, правда? Минуточку! Все факты строго соответствуют действительности! И даты тоже! Хотя, конечно, трактовка может озадачить. Верно говорят, что если кое-кто настроен немного предвзято, то он может заподозрить тут кое-где проклеивающийся намек на

субъективность, легкий такой нарциссизм – то там то сям...»

В таком духе, как можно догадаться, написаны все эти взрывчатые мемуары. До мании величия этому гению человечества далековато. Пожалуй, ему здорово облегчила жизнь его принадлежность к неунывающему племени комиков. «Особенно мне вспоминается 1936 год. Новой эре было всего два года... Толпа бурлила у меня под окнами, и я приветствовал ее с высоты моих двух лет.

– Мама, чего они хотят?
– Они протестуют, потому что ты не доел свой суп! – отвечала мама.

Я немедленно, в два взмаха столовой ложки, очистил тарелку... Залп радостных криков... взлетел до небес. Ну это-то я не выдумал! Видел собственными глазами!»

В процессе чтения выясняется, что подобного рода методика хороша для всякого, кто хандрит. Стоит только открыть книгу по истории на странице с датой вашего рождения, и хандру – как ветром сметет. «Вы уви-

деш, скуплетром и другими атрибутами власти. К чему нам все эти штуки? Зачем нас вразумлять, колотить нам глаза высокомудрием и пафосом и, как писал поэт Бен Джонсон про Шекспира, «потрясать копьём перед лицом невежества». Ради бога, оставим это. Поговорим лучше про синие трусы.

В мемуарах Ришара восемнадцать глав. Он ничего не забыл: ни друзей-актеров и режиссеров (разбивающих себе головы, пукающих на спор, пьющих, как лошади), ни праведных своих и чужих трудов. Начинает он, как водится, с воспоминаний о юности и работе в ННТ (Национальном народном театре). Об этом невозможно читать без слез. Через пару абзацев понимаешь, что Ришар – не только отличный комический актер, но и талантливый писатель.

Вот он, умудрившись заснуть по пьяному делу на сцене во время спектакля «Макбет», в ужасе ползет за кулисы: вообще-то он – павший солдат и не должен ни под каким соусом

которые так любил актер Жан Карме... «Для него трусы были знаменем, синим вымпелом, стягом, который являют миру при каждом удобном, а еще лучше – неудобном случае. Брюки исполняли всего лишь функцию покрывала, брошенного на монумент в ожидании торжественного открытия...» Разумеется, в подобных обстоятельствах лучше не просить друга о скромной услуге – одолжить синие трусы для купания в бассейне. И, уж конечно, не стоит, позабыв о всей мере ответственности за совершенное злодеяние, как ни в чем не бывало уходить домой в синих трусах... Потому что иначе... Ты будешь заклеен по радио как злостный вор и похититель заветного дара любви. «Вы понимаете, – жаловался он ведущему передачи, – дело не в деньгах! Трусы были подарены женщиной, которую я глубоко любил. Они мне дороги как память, а это бесценно. Услышь меня, Пьер, – умолял он с бесконечной скорбью в голосе, – верни мне трусы!»

Не думайте, что в книге рассказывается только про пуки и нижнее белье. В ней есть все: и дивные стихи в духе Ростана (правда, опять-таки – про пуки), и рассуждения о масскультуре, и прелестные воспоминания о невезучем друге знаменитого Жераре Ури, и лирическое (а также невообразимо смешное) описание Грузии и ее обычаев (опыт забываемый: автору пришлось работать с грузинами на съемках фильма «1001 рецепт влюбленного кулинара»). Все правила канона соблюдены. Мемуары великого человека вполне соответствуют самым строгим требованиям. Только вот кумирню никто не строит. Ни автор, ни читатель. И никто никого не назидает. И все хохохот.

Дело поистине удивления достойное! Просто прелесть, что такое... ■

Услышь меня, Пьер, – верни мне трусы!

дите, что являетесь зачинщиком самых необыкновенных вещей! Признайтесь, ведь это приятно?»

Очень. Но нам, с нашей колокольни, особенно приятно следующее:

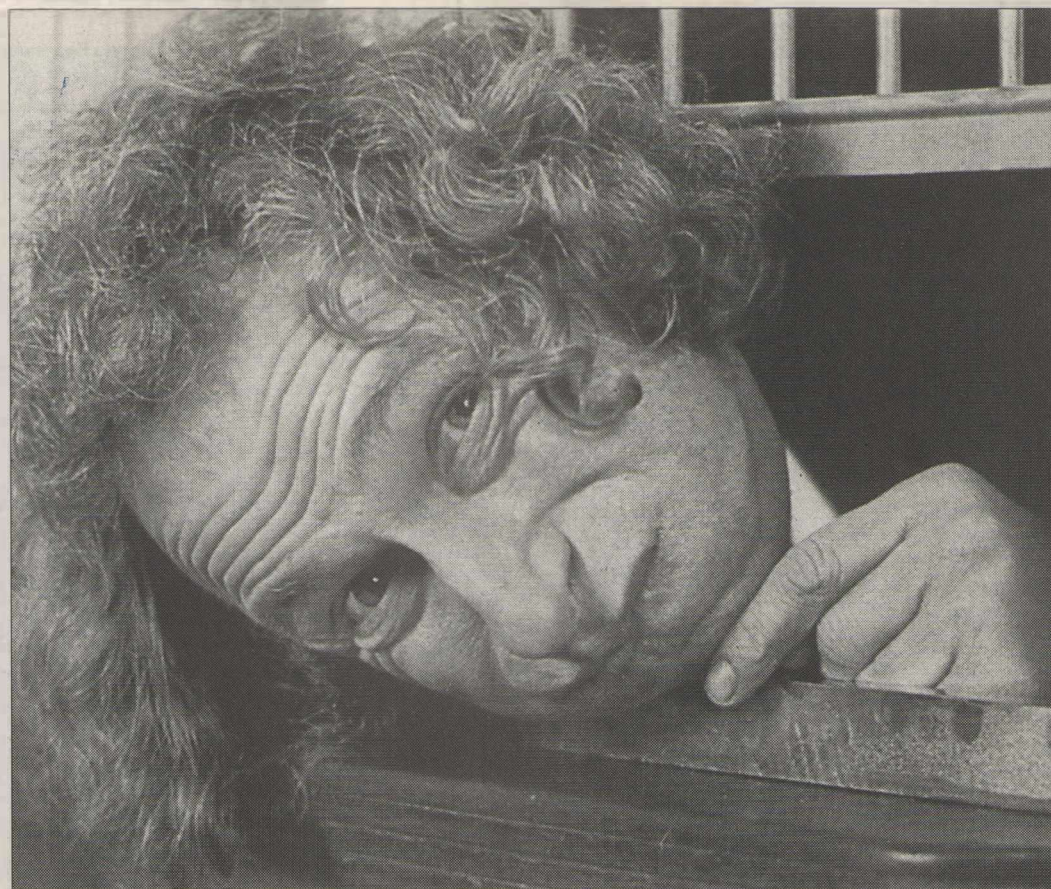
1) книга написана очаровательным человеком, не очень-то принимающим себя всерьез (какое облегчение для читателей!).

2) она отменно переведена.

Эти факты согревают читательскую душу, израненную всякими там «потрясающими копьём», а также машущими

здесь находится. Чтобы это чудовищное поведение посреди напряженного действия не так бросалось в глаза зрителям, он ползет, похрапывая... Ведь по пьесе на дворе – ночь... Это тот редкий случай, когда можно настоятельно рекомендовать вышеозначенную главу в качестве просветляющего и примиряющего с жизнью лекарства в ее истинном, если так можно выразиться, виде, то есть не тратя времени на пересказ.

Но где же все-таки синие трусы, о которых было говорено чуть раньше? Синие трусы,

Приятно посмотреть на это достойное, умное, серьезное лицо.

Кадр из фильма «Я застенчив, но лечусь»

НТ ЕврОчиз (прим. к Незабываемой) – 2006 – 20 апр – 27